

УДК 821.512.142.09 «1917/1991»

ББК 83.3 (2=Као) 6

С 30

Семенова Р.Э.

Аспирант кафедры литературы и журналистики Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева, e-mail: Kipkeevan@mail.ru

Этнопоэтика повести А.А. Малышева «Горный обвал» (Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются мотивы и образы природы, пейзажные зарисовки, анализируется их функциональная роль в повести, исследуется этнопоэтика. Отмечаются принципы изображения картин природы, связанные с миром героя. Установлено, что пейзажи несут национальный колорит, образность, фольклорные и этнографические элементы.

Ключевые слова:

Этнопоэтика, пейзаж, картины природы, национальный колорит, картина мира, концепт, этнокультурная специфика, символы, стихии.

Semenova R.E.

Post-graduate student of Literature and Journalism Department, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, e-mail: Kipkeevan@mail.ru

Ethnopoetics of the story «A Rockfall» by A.A. Malyshev

Abstract:

Motives and images of the nature and landscape sketches are examined to analyze their functional role in the story and to investigate the ethnopoetics. The author describes the principles of depicting the pictures of the nature, related to the world of the hero. It is inferred that landscapes carry the national character, figurativeness, folklore and ethnographic elements.

Keywords:

Ethnopoetics, landscape, nature pictures, national character, world picture, concept, ethnocultural specifics, symbols, elements.

Сегодня становится все более актуальной непреходящая значимость литературы, все чаще ее начинают рассматривать с точки зрения теории информации, то есть с чисто познавательной стороны искусства, обедняя общественно-эстетическую ценность произведения, связанную с художественным своеобразием, поэтикой.

Термин «этнопоэтика» связан с именем Джерома Ротенберга, одним из первых в 1960-е годы обратившегося к

художественно непредвзятому исследованию древних и традиционных культур Африки и Америки. «Нет неразвитых языков, нет языков высших и низших, - по мнению Дж. Ротенберга, - своеобычность художественного языка требует от писателя точности в передаче исходного материала; это достигается использованием широкого круга средств» [1: 50 - 51]. Еще в начале 1990-х годов В. Н. Захаров указал на объективную необходимость развития этнопоэтики — особой литературоведче-

ской области, которая «должна изучать национальное своеобразие конкретных литератур» [2: 5]. В своем исследовании ориентируемся «на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества» [3: 306].

А. Малышев, долго живя в Карачаево-Черкесии, впитал «национальный образ мира» (категория этнопоэтики), горские мотивы, проникся чувством любви и сочувствия к народам. Мы разделяем убеждение Г. Д. Гачева о том, что оперировать понятием «национальный образ мира» можно и необходимо [4: 87]. Картина мира – «совокупность предметного содержания, которым обладает человек» (К.Ясперс). Своей картиной мира обладает и каждый человек, и каждый этнос, поэтому разграничивают этнические и субкультурные картины мира [5].

Картина мира карачаевского народа периода войны и насильственного выселения представлена в повести А. А. Малышева «Горный обвал» [6]. Автор отражает национальное воззрение на мир, национальную «логику», «особый склад мышления», который выражается в «системе своих категорий» (собственных для каждой картины мира), он может быть соотнесен с системой культурных концептов. Так, выявляя этнокультурную специфику восприятия внешности героя, В. М. Богуславский ввел в качестве «важного фрагмента национальной картины мира» понятие «национальный образ внешности» [7: 17].

Для творчества А. Малышева характерно широкое и многообразное использование этнопоэтики, фольклорных и этнографических элементов. Формы присутствия природы в повести А. Малышева «Горный обвал» разнообразны: поэтические олицетворения, эмоционально окрашенные суждения, собственно описания природы. В экспозиции повести дана пейзажная зарисовка: «Тропа (хронотоп дороги – автор) поднималась среди зарослей субальпийского луга. Буйно цвели во-

круг лиловые буквицы, голубые и кремовые скабиозы, оранжевые крестовники и девясилы, белые зонтики гигантских борщевиков. Все эти травы Джоджур помнил с детских лет. Они были обычными в трудовой жизни горца. *Но почему-то только теперь впервые он обратил внимание на их краски и аромат, на пенистый поток, срывающийся со скал, на молчаливые каменные пики, застывшие под синим-синим небом*». Джоджур рассуждает: «Как могут быть среди этого благоденствия и красоты детские страдания и слезы, почему люди допустили такое горе. Не верилось, что надвигается страшная беда, что она уже совсем близко...» [6: 9]. Пейзаж связан с жизнью героя и служит фоном для последующих событий.

Такую же функцию выполняет другая пейзажная картина, которая удачно приводится в тексте после рассказа об издевательствах над детьми, когда «казалось, от зверства оккупантов у самой природы переполнилась чаша терпения»: «Всё началось с бешеных порывов фёна. Падая в долину с Главного хребта, он с посвистом проносился по лесу, окружающему поселок. Трещали деревья, ломались сучья; со стоном падали на землю, выворачивая корни, ослабевшие старые пихты и сосны. Потом неожиданно все вокруг на несколько часов замолкло. Небо стало хмуриться, опустились косматые темные тучи, они шли так низко, будто пытались придавить собою поселок. Из них повалил густой снег, за которым в трех шагах ничего нельзя было увидеть. Он сыпал сплошным ворохом целые сутки. Высокими сугробами покрывались дороги и дома. И вдруг сразу из трех ущелий вырвались в долину ветры, напав на притихший под снегом поселок. Они сталкивались между собою, вновь ломали деревья, срывали крыши домов, поднимали вороха снега. Один из ветров переборол, наконец, два других и понесся ураганом по долине, яростно завывая глухим тоскливым гулом и круша все, что было ему под силу.

Метель свирепствовала и в поселке, и на вершинах гор» [6: 39].

Топос гор дается как картина дисперсии и распада мира, распада на эпизоды и действия, возможно, оторванности от родины. Конструируя пространство, автор достигает целостности в освещении исторического бытия народа, «духа народа». Национальный образ мира включает, с одной стороны, фольклорные мотивы и образы, нередко восходящие к народным мифологическим верованиям (обвал, эмеген, затмение, джины, Апсаты и т. д.), а с другой — мусульманские (Коран, Аллах, намаз, молитва, саван, благословение и т. д.). Эти две группы образуют не оппозицию, а единое целое в пейзажных описаниях.

Природа – это мир стихий: света и звуков природы, космоса (солнце, луна, звезды), воздуха (ветер, облака), воды, огня, а главное – это все сущее, все растущее, составляющее естественным образом природное пространство. Значимость образов природы заключается в том, что через них «национальная специфика литературы проявляется особенно четко» [8: 60]. В связи с этим уместно вспомнить афористическую мысль американского поэта и философа Р.У.Эмерсона: «Когда человек падает, природа поднимается и служит своеобразным термометром, определяя наличие или отсутствие в человеке святости. Из-за своего уныния или эгоизма мы смотрим природе в глаза, а когда мы выздоравливаем, - она смотрит в наши» [9: 340].

Очень важное место в структуре повести занимает образ-символ «горный обвал». А. Малышев удачно передает свою мысль через внесюжетные элементы, такие, например, как сон. Так, после тягостных дум, у Джоджура иногда снова возникал сон о горном обвале. Концепт в большой мере определяет семантику обвала, который также является сквозным мотивом повести. «Однако теперь чаще всего под срывающейся со склона глыбой скал Джоджур шел уже не один, а со все-

ми своими сыновьями. И видя, как их настигает обвал, забывая о себе, в отчаянии кричал им, чтобы спасались от грозящей гибели. А они падали под ударами летящих каменных осколков, то один, то другой... Это было еще ужаснее тех привычных снов, когда он сам пытался убежать от обвала... А в таком сне бывало по-разному – порой от обвала гибли те сыновья, которые еще остались живы. Это приносило новую тревогу» [6: 52].

Умело подобранная правильная дефиниция к выражению *горный обвал*, позволяет детализировать мысль, используя символику, обобщения и конкретизацию. «С тех пор, как Джоджур стал прятаться от немцев, он спал только урывками. Просыпаясь, убеждался, что часто видит один и тот же сон. Даже привык к нему, хотя сон был страшен. Джоджур знал, с чего начинались эти сновидения. Как-то еще в молодости ему пришлось ехать верхом по скалистом ущелью Гаралыкол, где его захватила гроза и ливень. Бурка, шапка и башлык спасали от дождя, да и кош, куда он направлялся, был уже недалеко. Но небо и горы гудели непрерывно, раскаты грома сливались в один протяжный грохот, словно разворачивали нутро земли, а молнии, скреживаясь, казалось, поджигали всю вселенную. Джоджур решил, что, наверное, эмегены — мифические, чудовища, о которых рассказывали старики, вырвались из своих каменных недр, где таились до этого времени, и теперь забушевали в тихих и мирных горах. В блеске молний было видно, как со склонов ущелья водопадами срывались обильные потоки воды, увлекая за собой камни и крупные куски земли. Но то, что открылось перед глазами дальше, его ошеломило... Высоко стоявшая над обрывом огромная скала качнулась, сдвинулась с места и, кувыркаясь, с грохотом ринулась вниз, на дно узкого ущелья, по которому он ехал. От скалы отрывались каменные пласты, взлетели дробным веером, и она с нео-

бычной быстротой неукротимо неслась прямо на него, и он уже ощутил толчок упругой воздушной волны, пытающейся отбросить его вместе с конем» [6: 40]. Пейзаж реалистичен, но имеет «национальный акцент» благодаря описанию горных хребтов, родников и т.д., что определяет своеобразность повести. Благодаря такому художественному приему, который раскрывает смысл названия, читатель глубоко понимает, осмысливает прочитанное, формирует собственное отношение к проблеме, прибегает к ассоциациям.

«С возрастом воспоминания о горном обвале тускнели, туманились, но теперь, когда пришли фашисты и озверело уничтожали мирных людей, а жизнь его, Джоджура, как и многих других, сделалась беззащитной, ему не раз стало сниться, что он вновь пытается проскочить мимо падающей скалы и она неумолимо рушится прямо на него. Прикрывая голову руками от вороха летящих камней, он стремительно скачет по ущелью, хотя знает, что обречен. Джоджур слышит грохот камней и отчаянное ржание коня, чувствует тягостный запах то ли пороха, то ли серы и гари, как это было в те минуты, когда, сталкиваясь, со скрежетом взлетали куски гранита. И, просыпаясь в холодном поту, он даже на языке ощущает привкус пыли от обвала, и в ушах все еще гудят отзвуки каменной канонады»

[6: 40-41]. Для описания национального Космо-Психо-Логоса нужно иметь некий метаязык... В качестве такового используется древний натурфилософский язык четырех стихий. «Земля», «вода», «воздух», «огонь» (в двух ипостасях: «жар» и «свет»), понимаемые расширительно и символически... суть слова этого метаязыка [4: 33]. В тексте повести приводится и колоритная пейзажная картина, помещенная в заключение, когда герой по возвращении на родину поклонился бьющей из камней воде, припал к горному роднику, стал жадно пить воду. Вода выступает символом целебного очищения человека и его соединения с природой.

Автор, так ярко представлявший пейзажи в ряде своих произведений (солнечные, воздушные, разноцветные), в своей последней повести так скуп, сдержан в красках, описывающих картины природы, теперь погружаясь в сокрытые уровни душевной и духовной реальности. Образы природы (как пейзажные, так и все иные) обладают глубокой и совершенно уникальной содержательной значимостью. Пейзажи выполняют различные идейно-художественные функции, окрашиваются философской мыслью, образностью. Контакты с местными народами сыграли важную роль в творческой биографии писателя, в становлении его мировоззрения и художественного мастерства.

Примечания:

1. Rotenberg, G.D. Rothenberg. Symposium of the Whole: A Range of Discourse Toward An Ethnopoetics. California, 1983. P. 50-51.
2. Захаров В.Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 5-30.
3. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 306-315.
4. Гачев Г. Национальные образы мира: соседи России. Польша, Литва, Эстония. М., 2003. 384 с.
5. Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и картина мира. СПб., 2003. 464 с.
6. Малышев А.А. Горный обвал. Черкесск: Полиграфист, 2000. 118 с.
7. Богуславский В.М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. М., Изд-во МГИК, 1994. 214 с.

8. Степанова Т.М., Хагундокова С.Д. Художественное время и пространство природы в романе И. Машбаша «Жернова» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 1. С. 56-64.
9. Emerson R.W. *Natura. Selections*. N. Y: Oxford University Press, 1990. P. 300-352.

References:

1. Rotenberg, G.D. *Rothenberg. Symposium of the Whole: A Range of Discourse Toward An Ethnopoetics*. California, 1983. P. 50-51.
2. Zakharov V.N. *Orthodox aspects of ethnopoetics of the Russian literature // The evangelical text in Russian literature of the XVIII-XX centuries*. Petrozavodsk, 1998. Iss. 2. P. 5-30.
3. Tolstoy N. I. *Ethnolinguistics in the circle of humanities // Russkaya slovesnost. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology*. M., 1997. P. 306-315.
4. Gachev G. *National images of the world: Russia's neighbors. Poland, Lithuania, Estonia*. M., 2003. 384 pp.
5. Zhidkov V.S., Sokolov K.B. *Art and picture of the world*. SPb., 2003. 464 pp.
6. Malyshev A.A. *The rockfall*. Cherkessk: Poligrafist, 2000. 118 pp.
7. Boguslavsky V.M. *A person in the mirror of Russian culture, literature and language*. M., MGIK publishing house, 1994. 214 pp.
8. Stepanova T.M., Khagundokova S.D. *Literary time and nature space in I. Mashbash's novel «Millstones» // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts»*. Maikop, 2012. Iss. 1. P. 56-64.
9. Emerson R.W. *Natura. Selections*. N.Y: Oxford University Press, 1990. P. 300-352.